

Сибирь отправила на фронт лучших своих сыновей, и они становились героями в самых критических ситуациях

Даже став рабочим Абаканской дистанции пути, уже сделав свой профессиональный выбор, восемнадцатилетний сын чабана из улуса Камызякин Михаил Доможаков по-прежнему испытывал непреодолимую тягу к лошадям. Завидовал путевым обходчикам, которым на Ачинско-Минусинской ветке в силу протяженности участков, принятых на обслуживание, до войны полагался конь. Доможаков подбивал шпалы, пробовал безошибочно, на звук вычислять дефектные рельсы, набирался премудростей у дорожных мастеров Шишкина и Павлушева и не мог, конечно, предположить, что скоро, при других уже обстоятельствах, у него все-таки появится желанный конь.

Верхом на коне

В сентябре 1941 года, когда в Абакане была сформирована 309-я стрелковая, ставшая позже знаменитой Краснознаменной Пирятинской и ордена Кутузова первой степени дивизией, Доможакова зачислили в конную разведку 357-го полка. Не беда, что по росту он оказывался замыкающим: не за габариты ценили в разведке бойцов, а за находчивость и лихую, почти мальчишескую бесшабашность.

— Как-то нас с разведчиком Морозовым на огородах курской деревни окружили гитлеровцы, — делился он секретами боевого мастерства на страницах фронтовой газеты «За честь Родины». — Решили драться. Часа четыре держались, сил уже нет, да и боеприпасы на исходе, но видим: наш танк на бугорке появился. Мы даже кухню тогда с горячей пищей однополчанам прихватили. Что ни говори, война войной, а обед — по расписанию...

Самый смекалистый, юморной боец стрелкового полка в ночь с 23 на 24 сентября 1943 года первым переправился на западный берег Днепра в районе Букринского плацдарма.

Переправился не один, а с лошадью. Они плыли рядом в холодной осенней воде, почти голова к голове. Причем, сам Доможаков был больше пристяжным. Коренным — его конь, который принял весь удар на себя.

Пулеметный расчет полностью переключился на более крупную мишень, дав возможность разведчику взобраться на берег и забросать гранатами немецкий окоп. Но в этом одиночном десанте заключалась только часть задачи, которую поставили перед бойцом, главное для него — передать разведданные в штаб полка. Собственно, это и была основная работа конной разведки — выступать в качестве фельдсвязи, доставляя ценную оперативно-тактическую информацию. Три раза за одну только ночь Доможаков «ходил» с берега на берег, оказываясь на грани между жизнью и смертью.

За форсирование Днепра к званию Героя Советского Союза в Пирятинской дивизии было представлено 47 человек. Командующий 40-й общевойсковой армией

генерал-полковник и будущий маршал Советского Союза Кирилл Москаленко в мемуарах «На юго-западном направлении» с теплотой отзовется о доблести отважных воинов-сибиряков. Не забудет отметить и героизм Михаила Егоровича, которого почти сразу же начнут продвигать в младшие командиры, зачислив на шестимесячные курсы подготовки офицерского состава. Армия нуждалась в людях, имевших боевой опыт, и вооружала их знаниями в расчете на перспективу. К тому же Доможаков, имея всего четыре класса начального образования, демонстрировал недюжинные способности, которые могли бы запросто привести в военную академию.

Все вышло совсем не так. В самом конце войны старший лейтенант Доможаков получил тяжелое ранение в грудь и по состоянию здоровья был выведен за армейский штат. О возвращении в путевое хозяйство, на прежнюю должность — монтера пути речи тоже быть не могло. Впрочем, герой войны по всем статьям заслужил уважение людей и легкий труд.

В хакасском совхозе «Степной» Усть-Абаканского района такая возможность предоставилась, и бывший разведчик нередко выбирался на родные просторы. Потихоньку седлал коня, сознавая, что лучшего скакуна, чем его фронтовой друг, он вряд ли когда найдет.

Под выстрелы «бога войны»

После сражений под Сталинградом, на Курской дуге и Балканах, нескольких ранений в ногу, голову, грудь, хватив сполна «прелестей» госпитальных палат в Белграде, вернулся с войны и ремонтный рабочий Козульской дистанции пути Иван Лихачев. Поздней осенью 1945 года он, кавалер ордена Славы, прибыл в родной дом, в деревню Красный Яр Козульского района. Здесь и жил перед призывом в Красную Армию путевой рабочий. Для матери, оставшейся без хозяина, это было настоящее чудо. Даже в полку сержанта Лихачева считали погибшим, потому и награда, особо ценимая среди прочих регалий, — медаль «За отвагу» — нашла героя лишь по прошествии многих лет.

...Тот бой с немецкими «тиграми» в районе хутора Верхнекумского командир артиллерийского расчета гвардии старший сержант Лихачев выиграл только благодаря собственной выдержке. Выжидая до последней минуты, он подпустил вражеские танки на прямую наводку и ударил зажигательным по головной машине. Остальные начали медленно разворачиваться, подставляя уязвимые бока под меткие выстрелы несокрушимого русского «бога войны».

Это решило исход сражения, гвардейцы отразили танковый удар, с помощью которого немцы еще пытались спасти окруженную под Сталинградом группировку фельдмаршала Паулюса. Но в том пекле уцелели лишь редкие артиллеристы.

Много лет спустя, уже после выхода в свет романа «Горячий снег» фронтовика Юрия Бондарева, непосредственного участника знаменитого сражения, Иван Иванович вступит в дружескую переписку с артиллерийским лейтенантом, а ныне всемирно известным писателем, Героем Социалистического Труда. И вместе с супругой

Валентиной Сергеевной станет страстным пропагандистом его творчества, не отделимого от периода минувшей войны.

В одной из последних миниатюр Бондарева, получившей жанровое определение «Мгновения», есть эпизод, оттеняющий ту духовную высоту, на которую сумели подняться бойцы Красной Армии, отстаивая правое дело во имя свободы и независимости родной страны:

«Помню, в предгорьях Карпат первые треугольники журавлей возникли в небе, протянулись в белых, как прозрачный дым, весенних разводах облаков над нашими окопами, и мы зачарованно смотрели на их медленное движение, угадывая их путь в Россию. Мы смотрели на них до тех пор, пока гитлеровцы из своих окопов не открыли автоматный огонь по этим косякам, трассирующие пули расстроили журавлиные цепочки, и тогда мы в гневе начали пальбу по фашистским окопам».

Николай ЮРЛОВ

Сколько в этом маленьком шедевре жизнеутверждающей силы! Ею действительно было сполна наделено поколение воинов-победителей. Своих героев Юрий Бондарев не выдумывал, художественные образы зачастую создавались с натуры.

В небе вместе с Молотовым

Красноярцу доверяли возить не только наркома, но и разрушительную «Марию Александровну».

— Как лучше и скорее добраться на самолете до Вашингтона? — неожиданно спросил в 1942 году Сталин командующего авиацией дальнего действия Александра Голованова.

Просчитав возможные варианты, летчик предложил маршрут Москва — Англия, проходивший над вражеской территорией. А затем уже из Англии предстояло лететь в Америку.

Даже в том случае, если немецкая разведка узнает о предстоящем полете, никому не придет в голову, что самолет полетит по такому опасному маршруту.

Такое предложение Голованова вызвало в Кремле резкий протест:

— Как? Через вражескую территорию? Не может быть и речи.

Но Сталин в конце концов согласился с таким вариантом. Даже сам Голованов не знал тогда, кого предстояло везти.

Дело было в том, что президент США Франклин Рузвельт предложил Сталину послать в Вашингтон наркома иностранных дел СССР Вячеслава Молотова, на что 20 апреля 1942 года был дан утвердительный ответ.

Пробный перелет прошел успешно. В самолете находился дублированный экипаж: два командира-летчика, два штурмана, два радиста. Вел машину Сергей Асямов, Эндель Пусэп летел в качестве дублера.

Пе-8 успешно пролетел над территорией Швеции, Норвегии, Балтийским и Северным морями и приземлился на английском аэродроме. Обрато самолет вел бывший его дублер — Пусэп.

Ему и поручили везти в Англию, а оттуда в США Вячеслава Молотова. 19 мая 1942 года самолет стартовал, и экипаж успешно справился с поставленной задачей.

Как просто это звучит! Многочасовые полеты в кислородных масках, при низкой температуре. Один из моторов вышел из строя над морем, последовала атака вражеского ночного истребителя, зацепившего очередью антенну радиокompаса, — все это было с экипажем во время полетов в Англию и США.

Родившемуся в Красноярском крае эстонцу (его родители вместе с многими соплеменниками переселились в Сибирь до революции, чтобы обзавестись землей) очень пригодился богатый опыт полярного летчика. Еще в 1937 году Пусэп участвовал в поисках пропавшего в Арктике летчика Сигизмунда Леваневского.

С первых дней войны Пусэп — военный летчик, участвовал в налетах на Берлин, защищал Ленинград. После успешной доставки Молотова Герой Советского Союза Пусэп — командир полка, летавшего на Пе-8, самом мощном отечественном бомбардировщике.

Элитный полк был на особом положении и вылетал по приказу Ставки Верховного командования. До него объект бомбила авиация «помельче» — например, самолеты Ил-4, Б-25, Б-20Ж, Ли-2. А потом летели Пе-8 с большими бомбами для особо важных объектов. В полку пятитонные бомбы называли «Мария Александровна», в честь полной заведующей полковой столовой.

Безусловно, командование с выбором летчика, которому можно было доверить особо сложное задание, не ошиблось. Командир элитного авиаполка просто не мог подвести.

Анна ТОЛЧИНСКАЯ